

УДК 821.161.1 Чехов А.П. 06

**ПРОВИНЦИЯ И КРИТИКА: СПОРЫ ПО ПОВОДУ ТИПИЧНОСТИ ОБРАЗА
«ЗАХОЛУСТЬЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА**

**PROVINCE AND CRITICISM: DISPUTES ON TYPICAL NATURE
OF «BACKWOODS» IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV**

А. А. Ершова

A. A. Ershova

*ФГБОУ ВПО «Казанский государственный университет культуры и искусств»,
г. Казань*

Аннотация. Предметом анализа статьи являются публикации конца XIX – начала XX в. в казанских газетах «Волжский вестник» и «Казанский телеграф». Рассматриваются различные точки зрения на типичность или нетипичность образа провинции в произведениях А. П. Чехова. Приводятся мнения С. В. Глушкова и Л. П. Громова, проводивших свои исследования на материале печати Таганрога, Ростова, Твери. Показывается разница в восприятии образа «захолустья» казанскими критиками.

Abstract. The subject of analysis in the article is the publications of the late 19th – early 20th centuries in Kazan newspapers «Volzhsky Herald» and «Kazansky Telegraph». We analyze the various points of view on typical or not typical image of the province in the works of A. P. Chekhov. It gives the views of S.V. Glushkov and L.P. Gromov who conducted their research on the basis of publishing works of Taganrog, Rostov, Tver. We show the difference in Kazan critics' views of perception of the image of «backwoods».

Ключевые слова: провинция, восприятие, Чехов, читатель, газетная критика, «Волжский вестник», «Казанский телеграф».

Keywords: province, perception, Chekhov, reader, newspaper, criticism, «Volzhsky Herald», «Kazansky Telegraph».

Актуальность исследуемой проблемы. Один из важнейших вопросов, волнующих читателей и критиков на протяжении многих лет, касается того, насколько реалистично изображены герои тех или иных художественных произведений, скопировал ли писатель их образы с обычных людей или же его творение – полет лишь его собственной фантазии. Критики и читатели спорят об этом постоянно. Мы, в свою очередь, попробуем проанализировать так называемую «типичность» на примере образа провинции и провинциальных типов в произведениях А. П. Чехова.

Актуальность исследования заключается в выявлении специфики казанской литературной критики рубежа веков. Мы проводим анализ критических материалов, условно говоря, «родных» и «неродных» А. П. Чехову. В данной статье помимо анализа материалов казанских периодических изданий «Волжский вестник» и «Казанский телеграф» рубежа XIX–XX вв. мы также рассматриваем мнения других «провинциальных» ученых по

данному вопросу, в частности, С. В. Глушкова и Л. П. Громова, и суждения авторов из периодической печати Таганрога и Ростова, то есть городов, «родных» писателю. Таким образом, мы выявляем различия в восприятии образа провинции разными критиками и противоположными городами.

Кроме того, образ провинции является одним из ключевых в творчестве Чехова. И то, как провинция сама воспринимает себя, представляет также и психологический интерес.

Материал и методика исследований. Споры по этому вопросу ведутся уже несколько десятков лет, но материалы провинциальных периодических изданий мало изучены. В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что эта тема являлась одной из центральных в статьях казанских критиков. Как отмечала, в частности, Л. Е. Бушканец, одной из важнейших проблем, поднятых в современной А. П. Чехову литературной критике, была проблема типичности, достоверности, правдивости того образа России, который создал Чехов [1]. Материалом нашего исследования стали периодические издания Казани, отзывы современных А. П. Чехову критиков, в частности, С. В. Глушкова и Л. П. Громова.

Метод исследования мы определяем как комплексный. При написании работы были использованы различные методы: анализ, сравнение, культурно-исторический, психологический.

Результаты исследований и их обсуждение. Стоит сказать, что казанская периодическая печать ничуть не отставала от столичных изданий по злободневности публикуемых материалов, по откликам на общественные, политические, экономические и культурные перемены в России и мире. Не прошло бесследно для казанской критики и творчество Чехова. В 1880–1890 годы на страницах казанских газет активно обсуждалась проза писателя, позже появились обширные статьи, критические заметки на пьесы драматурга-новатора. Особенно активными в плане критических публикаций были газеты «Волжский вестник», «Казанский телеграф», «Казанский биржевой листок» и пр. Первые статьи о Чехове в казанской периодической печати появились в 1888 году.

Одной из первых стала статья К. Сараханова – это были два больших подвала, посвященных «Степи». Автор отметил, что «талант молодого беллетриста далеко не из заурядных и продолжает развиваться и вширь и вглубь. В своих маленьких рассказах г. Чехов является большим художником в описании внешнего мира и психологом, знатоком неуловимых для нашего невооруженного глаза извивов человеческой души». Критик радовался, что Чехов вырвался из «Нового времени» и попал в «Северный вестник», однако традиционно отметил отсутствие «содержательности» [11]. Это, в сущности, означает, что критик не видит в произведении Чехова отражение сущностных сторон российской жизни.

В первых публикациях критики были очень осторожны в своих высказываниях на тему типичности и нетипичности образа провинции в произведениях Чехова. В ранних публикациях авторы как будто «прощупывают почву», как бы еще только знакомятся с произведениями Антона Павловича. Но по мере появления все новых «серьезных» рассказов Чехова вопрос о том, насколько правдиво писатель рисует российскую действительность, становится все более актуальным. В некоторых критических набросках даже чувствуется раздражение критиков на автора: да, Чехов изображает реальную жизнь, но какая-то она у него невеселая, мрачная, скучная, да и герои совсем не идеализированы, хотя живут в соответствии с идеологией, часто либеральной, но возникает вопрос: поче-

му же нет положительных персонажей? Кстати, если обратиться к критике современной, например, к статье Г. Л. Корольковой, то мы обнаружим некоторую связь с критикой конца XIX века. Например, высказывание ученого о том, что большинство чеховских персонажей, в частности принадлежавших к ученому сословию, трудно отнести к положительным персонажам [5, 91].

Идейность – вот что занимает важное место в сознании критиков конца XIX века. Она же придает «жизненности» тем или иным произведениям. Обратил на это пристальное внимание и казанский критик П. Перцов. Он отмечал, что 1891 год «дал нам несколько произведений», имеющих общественный интерес, к тому же отличающихся художественностью [8]. На первом месте – «Дуэль», в которой наибольший интерес вызывает Лаевский, «продукт нашего пестрого времени», когда появилось много людей, томящихся без идеала, убеждений и цели жизни, неглупых, не могущих ужиться с духовной пустотой вокруг себя. Отсутствие идеалов и беспорядочная жизнь истрепали им нервы и обессилили волю, они стремятся все время начать новую жизнь, и ничего не выходит. Хотя П. Перцов отметил, что нравственный переворот Лаевского в конце повести непонятен, в целом он поддержал «осуждение» Чеховым этого типа.

Многие казанские критики отмечали, что чеховские типы характерны для современного общества, что писатель показывает читателю реальную окружающую действительность, пусть зачастую мрачную и скучную. Но тем не менее в высказываниях казанских критиков ясно прослеживается мысль о том, что Чехов изобразил «наше захолустье», что все-таки захолустье это «где-то есть», но в другом месте, «это не про нас». И дело здесь не только в том, что Чехов создавал новую прозу, опережая время. На первый взгляд может показаться, что провинциальная критика не попевает за автором, но это не так. Наоборот, как раз провинциальная критика, в частности казанская, глубже понимала произведения А. П. Чехова, и в первую очередь потому, что писал он о них, о провинциалах и провинции. Мы предполагаем, что в восприятии произведений Чехова тем или иным критиком значительную роль играл и психологический фактор. Мы можем проследить разницу взглядов «на самих себя» казанских критиков и критиков других регионов. Например, вспомним работы С. В. Глушкова или Л. П. Громова.

С. Глушков отмечает, что «сама “всемирность” Чехова как бы вытекает из его “провинциальности”, поскольку нет такой страны и такой эпохи, в которых не существовало бы трагедии повседневности». Снова обратимся к «Дуэли», по поводу которой Глушков пишет в своей работе, что «только провинциал смог понять, что Чехов не столько обличает Лаевского, героя “Дуэли”, сколько заставляет читателя полюбить этого человека» [2, 11]. Критик также отмечает тот факт, что провинциальные читатели называли Чехова своим учителем [2, 12]. Мы согласны с этим мнением, но хотим заметить, что восприятие провинцией Чехова как учителя и проецирование его произведений и типов героев на реальную действительность – это, очевидно, совершенно разные вещи. Да, провинция понимала героев чеховских произведений, но при этом не всегда проецировала действительность, изображенную Чеховым, на провинциальную почву. Сам писатель в течение всей жизни был глубоко связан с провинцией, о чем неоднократно писали критики. В частности, у Глушкова есть статья, посвященная Чехову и земству, в которой он анализирует не только взгляды писателя на свободу, силу и власть, но и влияние Таганрога на судьбу Антона Павловича [3].

Особый интерес для чеховедения представляет исследование Л. П. Громым периодической печати Ростова и Таганрога. В своей работе он отмечает, что многие таган-

рожцы считали, что чеховские герои срисованы писателем с них. В частности, он приводит в качестве примера выдержки из юбилейной статьи 1910 года таганрожца Н. Чужбинина, который писал, что «можно подумать, что для города, описанного в «Трех сестрах», образцом служил Таганрог. Тут были сестры... Тут они мечтали о Москве» [4, 39].

Другой земляк Н. Чужбинина, А. Б. Тараховский, также отмечает некоторые стороны жизни Таганрога, отразившиеся в творчестве Чехова: «Что такое Таганрог с его скучным, равнодушным обществом, его однообразной жизнью, безразличием ко всему, что не касается личных, шкурных интересов?» [4, 40]. Но дальше в своих «Арабесках» критик встает на защиту родного города, пусть и скучного, печального, в котором нет жизни.

Л. Громов акцентирует внимание на том, какие важные мысли встречаются у П. Мечетинского. Последний писал, что в произведениях Чехова можно увидеть «то, чем дышал Чехов в юности, что заронилось в него с первыми впечатлениями детства и отрочества и вылилось потом в ряд волшебных картин, пленительных лирических настроений» [4, 42].

В принципе вполне логично, что у таганрожцев было особенное отношение к Чехову и, конечно, они искали себя в его произведениях и находили. Но это не означает, что казанские критики должны были увидеть в чеховских типах самих себя и жизнь Казани того времени. Обратимся, например, к статье А. Уманьского, опубликованной в газете «Волжский вестник» в разделе «Театр и музыка» и посвященной драме «Иванов». Критик пишет о том, что неврастения, «болезнь века», наиболее ярко выразилась в Иванове, «чем во многих других» [13]. Нам кажется, что последняя фраза демонстрирует как раз тот самый случай, о котором писал Глушков. Провинция поняла и приняла тип Иванова, но критик посчитал, что этот тип утрирован писателем, что такие Ивановы есть в провинции, но они все-таки отличаются от героя драмы, они «не совсем Ивановы». Уманьский также не оставил без внимания и других героев драмы: «кроме Иванова, более всех разработанного, имеются в драме еще и другие истинно типические лица – доктор Львов и Саша Лебедева». Любопытно замечание критика о том, что Чехов отнесся к Львову «без достаточного беспристрастия, что даже дало многим повод отрицать самую верность понимания автором этого типа». Критик пишет о том, что провинциальный читатель понимает героев даже лучше автора! Но это всего лишь заблуждение, так как Уманьский, конечно, пишет о том, что Чехов изобразил действительность, отмечает типичность героев, но при этом видит много «несовершенств» драмы и, конечно, не находит в героях казанцев.

Другой критик, П. П. Перцов, подписавшийся в газете под псевдонимом Посторонний, также откликнулся на драму «Иванов». В начале статьи критик пишет о том, что «тип Иванова – очень ясно обрисованный и даже довольно обыкновенный тип уставшего человека», но в заключении он отмечает, что «напрасно автор назвал своего героя Ивановым, как бы желая этим сказать, что такие люди очень обыкновенны – напротив, такие Ивановы встречаются редко: прежде, чем устать, надо все же что-нибудь делать, а много ли у нас деятелей?» [10].

Итак, на примере мнений всего двух казанских критиков по поводу типа Иванова мы уже ясно видим, что восприятие чеховских героев не было столь однозначным. Менялась общественная ситуация в стране, было достаточно много политических, культурных и других причин, влиявших на изменение жизненного уклада, мировосприятия, и, конечно, читатели хотели видеть идейность, положительных героев, но Чехов рисовал другие типы – новых людей. Одна из мемуаристок записала разговор с Чеховым; показательны

следующие слова писателя: «Но каково писателю, когда сфера, в которой он вращается, так однообразна, так сера, что и типов-то, кроме самых сереньких, взять неоткуда? Поневоле пишешь мелочи, а вы толкуете об идеалах, о положительных типах... <...> Меня давит однообразие нашего общества...» [9].

Критики, с одной стороны, не принимали взгляд Чехова на действительность, более того, они не были готовы к мрачной чеховской критике. Критики видели проявления эгоизма, мелочности, жадности и пр. в интеллигентном человеке не вследствие внутренних причин, а вследствие внешнего отрицательного влияния среды. И в то же время именно провинциальная интеллигенция, в отличие от столичной, часто оказывалась ближе к реальной жизни. Ее представители чувствовали, что они живут в эпоху, когда все привычные ценности интеллигенции рушатся. Быть может, именно поэтому провинциальные критики оказывались иногда более чуткими к тому, что они называли «современным содержанием чеховских рассказов».

Специально вопросу о том, как изображена современная жизнь у Чехова, был посвящен доклад Ф. Е. Пактовского на публичном заседании общего собрания «Общества любителей русской словесности в память А. С. Пушкина при Императорском Казанском университете» 26 марта 1900 года. Реферат Ф. Е. Пактовского рассматривал произведения Чехова «со стороны их общественного содержания».

Пактовский считал, что изображенные Чеховым герои не составляют основы современной жизни: «Действующие лица в произведениях Чехова не актив жизни, а пассив ее; но художественный рефлектор направлен главным образом не на лица, а на явления жизни. Она (жизнь) является для современного человека какою-то роковою силой, отсюда “унылая скорбь автора”, внушенная бессилием действующих лиц в борьбе с жизнью, нежеланием самой борьбы, малодушной уступкой современного человека явлениям жизни. Но за каждым рассказом мы видим автора как бы говорящим: “если поставить на место этих безвольных, слабых людей силы мощные, то явления эти не будут так фатальны, и жизнь будет иною”» [6].

Анализируя рассказы «Злоумышленник», «Темнота», «Мужики», докладчик пришел к выводу: «Рассказ не требует никаких к себе пояснений, кроме одного, невольно напрашивающегося вывода: положение подобных “злоумышленников” и самого следователя как нельзя более доказывает, как велико благодеяние Императора Александра II, даровавшего стране суд присяжных, это лучшее благо цивилизации, примиритель двух чуждых друг другу миров, хранитель жизненной правды и милосердия к малым и темным» [7]. Эти суждения ярко раскрывают главную мысль Пактовского, а именно – Чехов показал современные мрачные стороны жизни, которые можно исправить на основаниях разума и развития цивилизованных принципов. Эти идеалистические представления о жизни обуславливают понимание того, что Чехов односторонен в своих суждениях, потому что не отразил этих элементов развитой цивилизации в современной России.

Резюме. Итак, с одной стороны, провинция приняла и поняла чеховское «захолустье» и типы героев, но, с другой стороны, не каждый критик хотел примерять на себя типы, изображенные писателем, слишком они отличались от типов предыдущей литературы «золотого века». Очевидно, что казанская критика признавала тип «уставшего», «скучного» современного человека. Но, несмотря на это признание, не находила таких мрачных, запутавшихся людей в своем родном городе.

В качестве подтверждения наших слов можно привести более позднюю заметку, напечатанную в 1915 году в рубрике «Военные известия»: «Чехов в своей пьесе “Три

сестры” изобразил каких-то психопатов русского безвременья, а вот три сестры Тритана, которых дала подлинная жизнь <...>». Далее автор пишет о сестрах милосердия, которые работали в одном из передовых госпиталей [12]. Понятно, что время уже другое, иная действительность, но здесь автор заметки в более жесткой форме выразил свое отношение к чеховским сестрам.

Спорить по поводу вопроса: приняла провинция образ «захолустья», описанный Чеховым, или нет, можно долго. Мы считаем, что да, приняла, более того – поняла. Но при этом образ провинции и типы чеховских героев казанская критика, в отличие от критики Ростова и Таганрога, не находила в своем окружении: где-то все это действительно есть, но у нас этого не существует.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушканец, Л. Е. Россия чеховского времени и чеховская Россия / Л. Е. Бушканец // Образ Чехова и чеховской России в современном мире. К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова : сб. статей. – СПб. : ИД «Петрополис», 2010. – С. 39–47.
2. Глушков, С. В. А. П. Чехов и провинциальный читатель 1880–1914 гг. (проблемы взаимодействия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. В. Глушков. – М., 1993. – 24 с.
3. Глушков, С. В. А. П. Чехов и среднерусская провинция / С. В. Глушков // Чеховские чтения в Твери : сб. науч. трудов. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. – С. 5–10.
4. Громов, Л. П. Антон Павлович Чехов в дореволюционный периодике Дона. Критико-библиографический обзор / Л. П. Громов. – Ростов н/Д. : Б. и., 1948. – 91 с.
5. Королькова, Г. Л. Духовно-нравственные и подвижнические мотивы в творчестве А. П. Чехова / Г. Л. Королькова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 1 (77). Ч. 1. – С. 90–93.
6. Общее собрание Пушкинского общества 26 марта // Казанский телеграф. – 1900. – № 2230.
7. Общее собрание Пушкинского общества 26 марта // Казанский телеграф. – 1900. – № 2236.
8. Перцов, П. Литературный обзор 1891 года / П. Перцов // Волжский вестник. – 1892. – № 1.
9. Поливанова, Е. Памяти Чехова / Е. Поливанова // Прибалтийский край. – 1904. – № 148.
10. Посторонний (П. П. Перцов). Вне уровня / Посторонний (П. П. Перцов) // Волжский вестник. – 1892. – № 11.
11. Сараханов, К. Литературные заметки / К. Сараханов // Казанский биржевой листок. – 1888. – № 58.
12. Три сестры // Казанский телеграф. – 1915. – № 6521.
13. Уманьский, А. «Иванов», драма А. П. Чехова / А. Уманьский // Волжский вестник. – 1890. – № 36.